

Глава 29. Белоснежный цветок

— Да тихо ты, — Чжао Ци поднялся, опираясь на плечо Тао, и легонько шлёпнул мальчика по макушке. Запрокинув голову, он стёр выступивший на лбу пот. — Не делай из мухи слона, не так уж и больно. Дай-ка лучше я.

Циньпи, собиравшийся было ринуться к Чжао Ци, резко затормозил. Он отчаянно захлопал крыльями, вытаращив глаза. Сидевший рядом Гу, до этого не подававший признаков жизни, покосился на него и лениво бросил:

— Дурак.

— Это кто тут дурак?! Ты на кого перья взъерошил, а?! — взвился Циньпи.

Птицы тут же сцепились прямо в воздухе. Во все стороны полетел пух, закружились перья. Чжао Ци со смешком переглянулся с Тао, наблюдая за этой кутерьмой.

Он забрал из рук мальчика стебелёк травы Духэн и осторожно погладил его прохладные изумрудные листья. Травка словно почувствовала смену рук: её дрожь утихла, она заметно расслабилась и, когда Чжао Ци легонько потянул её вверх, даже блаженно покачала крошечными корешками-ножками.

Чжао Ци хотел было что-то сказать, но не успел — издалека донёсся звонкий крик:

— Эй! Чжао... Чжао Ци!

Обернувшись, он увидел Сяо Хоу. Сбежавший ранее Сяо Хоу возвращался не один — за ним семенили ещё несколько местных жителей.

— Мы пришли помочь тебе отыскать траву Духэн! Мы точно найд... Ой-ёй!

Голос Сяо Хоу осёкся на полуслове. Заметив пикирующих друг на друга в яростной драке божественных птиц, он охнул, его колени подогнулись, и он рухнул прямо в грязь. Спутники вождя в ужасе последовали его примеру, утыкаясь лбами в землю.

— Божественные птицы... Сами боги сошлись в смертном бою! — в панике запричитали они.

— Кхе-кхе... Сяо Хоу, спасибо за заботу! — крикнул Чжао Ци, приветливо помахав им рукой.

Тем временем крылатые спорщики улетели выяснять отношения куда-то за кроны деревьев. Только тогда перепуганная толпа осмелилась поднять головы. Заметив, что Чжао Ци зазывает

их, они несмело переглянулись.

— Чего стоите? Вы же хотели помочь отыскать траву Духэн? Ну так подходите!

Чжао Ци приподнял зажатый в пальцах стебелёк. По толпе пронёсся вздох изумления. Один из пришедших, совсем ещё юный паренёк с потемневшими от яда губами, прошептал:

— Это и есть трава Духэн? Та самая трава, которая спасёт нам жизнь?

— Она самая. Только нам нужны её плоды.

Листья травы Духэн испуганно зашуршали. Чжао Ци поймал взгляд крошечных чёрных глазок-бусинок и мягко улыбнулся:

— Ну что, малыш, поделишься со мной своим плодом?

Травка отчаянно извивалась, изгибая стебелёк. Её листики мелко дрожали, а она внезапно приоткрыла вытянутый рот, обнажая ряд острых, как иглы, крошечных зубов. Стоило Чжао Ци шутливо потянуться пальцем к её мордочке, как трава Духэн попыталась его цапнуть. Он отдёргнул руку — стебелёк упрямо рванулся следом, щёлкая зубами.

— Значит, плодов по-хорошему не дашь?

Трава Духэн, похоже, совершенно не понимала человеческую речь и лишь яростно скалилась. Чжао Ци нахмурился, легонько пощекотав её по листьям.

Наблюдавшему за этим Тао быстро надоело кривляние сорняка. Он поднялся, бесцеремонно отвёл руку Чжао Ци в сторону, сгреб траву Духэн за макушку и крепко сжал её листья в кулаке, полностью лишая возможности шевелиться.

— Тебе задали вопрос. Язык проглотила? — ледяным тоном спросил Тао.

Голос мальчика звучал ровно, но Чжао Ци слишком хорошо его знал — мелкий был на грани вспышки гнева. Пока остальные заворожённо глазели на диковинное растение, Тао высоко поднял кулак, разжал пальцы и в ту же микросекунду, когда трава Духэн попыталась сигануть на землю, молниеносным движением снова поймал её за хвост. От такой ловкости Чжао Ци даже прищурился.

— Будешь прикидываться дурой — мы повторим. И так до тех пор, пока до тебя не дойдёт.

Он снова вздернул руку с травой Духэн вверх. На этот раз травка не выдержала: она разинула

пасть и истошно, ультразвуком завизжала. Но Тао и бровью не повёл. Он ухватил её за один из сочных листков и потянул:

— Живо говори, где твои плоды?

Визг травы Духэн перерос в жалобный плач, до жути похожий на крик младенца. Стоявшие рядом люди испуганно переглянулись, на их лицах отразилась жалость. Чжао Ци тоже нахмурился, наблюдая за сценой. Впрочем, плач сорняка был насквозь фальшивым — ни одной капли сока из его глаз так и не пролилось, чистый театр. Тао, раскусив уловку, лишь сильнее сжал пальцы и замахнулся, намереваясь со всей силы швырнуть вредную траву оземь.

Услышав этот неистовый визг, божественные птицы прекратили потасовку. Циньпи завис в воздухе, смешно растопырив крылья, а затем, уставившись круглыми глазами на свирепого мальчишку, поспешно спикировал к нему.

— Стой! Стой, безумец! Ты... ты что творишь?! Эй! Полегче...

Тао медленно перевёл на него тяжёлый взгляд. Циньпи поперхнулся собственным криком, слова застряли у него в горле.

—... Только не угрожь её, умоляю, — гораздо тише и заискивающе пробормотал божественный пернатый. — Она же наш единственный билет на волю...

Чжао Ци дружески потрепал Тао по затылку, аккуратно забирая у него многострадальную травку. Под пристальными взглядами собравшихся он мягко произнёс:

— Силой тут вряд ли сможешь, только зря время потеряем. Тао, сделай одолжение — поймай лучше ещё парочку птиц. А когда вернёшься, я расскажу тебе одну очень интересную историю.

Мальчик нахмурился, собираясь возразить, но Сяо Хоу опередил его. Почесав макушку, вождь обезьяньего племени с любопытством уставился на Чжао Ци:

— А что за история?

— Хочешь послушать? Тогда помогай давай, не стой столбом.

Тао, не говоря ни слова, скрылся в густых зарослях кустарника. Беспокоящийся за свою судьбу Циньпи, взмахнув крыльями, тихонько полетел следом, держась на безопасном расстоянии. Сяо Хоу и его соплеменники оказались на редкость расторопными ребятами — в мгновение ока они натаскали целую гору сухого хвороста. Вскоре посреди поляны весело затрещал костёр, разведённый Чжао Ци.

Наконец-то Чжао Ци выдалась свободная минутка, чтобы рассмотреть спутников Сяо Хоу. Пёстрая подобралась компания: от глубоких старцев, выглядящих ровесниками жреца Мина, до совсем крошечных детишек, которые были помладше Тао. Объединяло их одно — все они были изранены, а по серым лицам и тёмным пятнам на коже у многих угадывалось тяжёлое отравление. Стало ясно: эти несчастные тоже пришли к Колокольной горе в надежде отыскать спасительную траву Духэн.

— Я блуждаю в этих краях уже без малого год, — вздохнул один из стариков, задумчиво поглаживая жидкую бородку. — И всё без толку. Даже когда эти две священные птицы устраивали очередную потасовку, я, рискуя головой, пробирался на их территорию. Но так ничего и не нашёл. Ну и силён же ты, парень! Как тебе это удалось?

Чжао Ци лишь скромно улыбнулся в ответ. Он показал на свои перебинтованные ноги и вкратце объяснил, что привело его сюда. Остальные тоже принялись наперебой делиться своими печальными историями.

Всё это время Гу безмолвно восседал на ветке соседнего куста. Заметив, как Чжао Ци бережно прячет перо птицы Фэн, с помощью которого разжёт огонь, птица переступила с лапы на лапу, пошевелила красными когтями и внезапно подала голос, заговорив как ни в чём не бывало:

— Небесный Император заточил нас с Циньпи на этой горе. Наш единственный шанс вернуть свободу и покинуть это проклятое место — отыскать плод травы Духэн.

— И это всё? Только одно условие? — Чжао Ци помешал угли, а затем поднял взгляд на притихшего вестника. — Неужели великий Небесный Император не удосужился объяснить вам, как заставить эту травку плодоносить?

Гу лишь молча качнул головой.

Зажатый в руке Чжао Ци стебелёк травы Духэн, почуяв жар пламени, испуганно потянулся в сторону человека, ища защиты. Его листочки мелко-мелко затрепетали, издавая тихий шелест.

Впрочем, тишина длилась недолго. Из подлеска показался Тао, волоча за собой три свежие птичьи тушки. Пока Чжао Ци ловко потрошил добычу, мальчик не выпускал притихший сорняк из рук, бдительно следя за каждым его шевелением.

Сяо Хоу так и крутился рядом, с детским любопытством разглядывая чудо-траву и то и дело пытаясь ткнуть её соломинкой. Остальные же переселенцы заворожённо наблюдали за кулинарными таинствами Чжао Ци. Вопросы сыпались один за другим:

— Братец Чжао, а зачем ты опаливать перья взялся?

— А внутренности... неужто выкинешь? Их не едят?

— Ой, а что это за порошок ты сыплешь на мясо?

Чжао Ци терпеливо и с улыбкой отвечал каждому. Вернувшийся Циньпи на удивление притих. Перестав шуметь и хлопать крыльями, он осторожно опустился на ветку поближе к костру и принялся внимательно слушать объяснения человека.

Жар огня, ароматные травы и нежное мясо слились в кулинарной гармонии. Птичьи тушки медленно покрывались золотистой корочкой, сок шипел на углях, а по поляне поплыл такой умопомрачительный аромат жареного жира, что у всех мгновенно потекли слюнки. Чжао Ци с усмешкой заметил, как Тао придвинулся к нему поближе, а глаза Сяо Хоу и его измученных товарищей заблестели от предвкушения сытного обеда.

— Не переживайте! — весело рассмеялся Чжао Ци. — Добычи знатной принесли, на всех хватит!

— Ты вроде обещал историю рассказать? — напомнил Тао, не сводя глаз с шипящего мяса.

Мальчик недовольно зыркнул на окружившую их толпу, но людям было решительно наплевать на его хмурый вид. Даже две спесивые божественные птицы подобрались поближе к костру, превратившись в слух.

— Ну слушайте, — начал Чжао Ци, переворачивая вертела. — Жил-был однажды путник. Шёл он себе по дороге, укутавшись в тёплый, плотный плащ. Северный Ветер поспорил с Солнцем, кто из них быстрее заставит человека снять этот плащ. Ветер дунул изо всех сил. Он выл, бушевал, налетал ледяными порывами... Но чем яростнее он дул, тем плотнее путник кутался в свои одежды.

— А зачем Ветру сдался его плащ? — озадаченно спросил один из охотников. — Воистину, помыслы духов неисповедимы...

— А плащ этот — он из чего был? Из шкур, как наши юбки? — подал голос другой.

Чжао Ци потратил пару минут на объяснение того, что такое одежда в его мире. Заметив, что Тао нетерпеливо поджал губы, он перевернул сочное мясо на другой бок и продолжил:

— Так вот, сколько Ветер ни старался, ничего у него не вышло — путник лишь крепче сжимал полы плаща. Тогда за дело взялось Солнце. Оно ласково улыбнулось, разогнало тучи и припекло своими лучами. Стало так жарко, что путник сам, без лишних споров, скинул плащ и пошёл налегке. Вот вам и разница: лаской и теплом порой можно добиться гораздо большего, чем грубой силой.

Тао задумчиво коснулся своей макушки, обдумывая притчу, а Сяо Хоу лишь растерянно хлопал глазами:

— Ничего не понял. Это ты к чему вообще?

— А в этом есть смысл, — раздался голос с ветки.

Нетерпеливый Циньпи взмахнул крыльями и опустился на плечо Чжао Ци, заглядывая ему в лицо:

— Эй, смертный! Так как ты собираешься раздобыть эти плоды?

Птица перелетела Чжао Ци прямо на голову, смешно загораживая свет костра. Чжао Ци со смехом снял её, приподнял исходящие паром вертела и весело провозгласил:

— Готово! Прошу к столу!

Сяо Хоу с товарищами тут же набросились на свою порцию, обжигаясь и довольно урча. Чжао Ци с Тао, успевшие перекусить раньше, взяли себе немного, а последнюю птицу он протянул Гу и Циньпи. Обе птицы застыли в крайнем изумлении.

— Э-э... Надеюсь, вы не брезгуете курятиной? Вы же не считаете обычных диких птиц своими сородичами?

— Сравнил тоже! Мы — божественные создания, а это просто дичь лесная! — фыркнул Циньпи.

Запах от дичи исходил такой, что у него самого дух захватывало. Очень уж хотелось отведать угощения. Но, покосившись на соседа, он капризно добавил:

— Только я не буду делить трапезу с этим напыщенным индюком! С какой стати я должен делиться с ним едой?!

— Взаимно. У меня тоже нет ни малейшего желания делить пищу с пустоголовым недоразумением, — холодно процедил Гу.

Это замечание окончательно взбесило Циньпи. Он взъерошил перья, собираясь с криком броситься в бой. Чжао Ци усмехнулся, покачал головой и одним ловким движением разорвал сочную тушку пополам.

— Проблема решена. Держите, каждому по половине.

— Боги, как же это вкусно! До слёз просто! Маму вспомнил... Братец Чжао, ты просто чудесник! — набитым ртом мычал один из парней.

— Настоящее мясо! Я уже и забыл, когда ел досыта!

— Эх, поскорее бы противоядие принять... Наверное, это невероятно вкусно, жаль, из-за яда я совсем не чувствую вкуса, — со вздохом протянул захворавший старик.

Слыша эти восторженные причитания, Циньпи окончательно потерял самообладание. Издав нетерпеливый клекот, он выхватил когтями свою половину тушки и стремительно улетел в густые кусты, чтобы в одиночку насладиться лакомством.

Убедившись, что все сыты и довольны, Чжао Ци наконец с облегчением опустился на мягкую траву. Рядом сидел Тао, неторопливо обглаживая косточку. Зажатый в его кулаке стебелёк травы Духэн вдруг отчаянно запищал. Травка напрочь позабыла о недавнем страхе перед грозным мальчишкой — она открывала и закрывала крошечный рот, а всё естество тянулось к ароматному мясу.

Чжао Ци забавно прищурился, забрал растение и, отщипнув волокно сочного мяса, подразнил им траву Духэн прямо перед её зубастой пастью:

— Ну что, проголодалась, егоза? Хочешь кусочек?

— Пи-и-ик! Пи-и-ик! — заверещал сорняк, уставившись чёрными глазками-бусинами на еду с бесконечной надеждой.

Перед искушением вкусной пищей не смогло устоять даже божественное растение. Стоило Чжао Ци разжать пальцы, как трава Духэн молниеносно сцапала мясо и принялась жадно, захлёбываясь, заглатывать его.

— Вкусно? Ещё хочешь?

Травка затрепетала всеми своими нежными листочками, выражая крайнюю степень восторга и преданности. Чжао Ци не выдержал и весело хохотнул.

— Сделка простая: ты мне — свой плод, а я тебе за это хоть всю ночь буду мясо жарить. Договорились?

Вокруг костра мгновенно воцарилась гробовая тишина. Все замерли, боясь дышать.

Трава Духэн радостно зашуршала и заизвивалась всем телом. Чжао Ци полностью разжал ладонь, но травка даже не подумала спастись бегством. Вместо этого она уютно устроилась прямо на его тёплой ладони, почтительно склонила свои изумрудные побеги перед человеком, и в этот момент раздался едва слышный, нежный хлопок.

Среди сочной зелени изумрудных листьев робко распустился крошечный, белоснежный цветок.

<http://bllate.org/book/18215/1752243>